

УДК 93

МЕЩЕРСКИЕ КАЗАКИ (ТАТАРЫ) XV–XVII вв. ВСТРАИВАНИЕ В СТРУКТУРУ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

© 2016 г. А.В. Беляков

Русскую армию XV–XVII в. ни в коем случае нельзя рассматривать как унифицированную. Ей была присуща определенная «мозаичность». Она состояла из многочисленных элементов, в том числе и подразделений созданных по национальному и религиозному принципу из представителей народов в разное время вошедших в состав Московского государства. Ниже речь, в основном, пойдет о татарских военных подразделениях.

Ключевые слова: служилые татары, Московское государство XV–XVII в., русская армия.

В последнее время мы наблюдаем всплеск интереса к такому явлению в истории Русского государства как служилые татары. На эту тему пишут много. Однако попыток обобщения всего имеющегося в нашем распоряжении материала не проводилось. Перед нами возникает более чем фрагментированная картина с большим количеством лакун. Авторы затрагивают различные аспекты данной проблемы, при этом дробят общую тему на более мелкие сюжеты по хронологическому, географическому и тематическому принципам. В целом подобный подход следует признать оправданным. Во-первых, в настоящее время только происходит накопление материала по теме. В подобных условиях очень трудно сразу рассмотреть данное явление во всех его аспектах. Во-вторых, мы сталкиваемся с дефицитом источников. Это, конечно же, касается раннего периода бытования института служилых татар, XV и XVI вв. Однако мы также наблюдаем значительную неравномерность в сохранившихся исторических свидетельствах о татарах по отдельным регионам. Практически отсутствуют территории, по которым сохранившиеся документы одинаково хорошо освещают все стороны жизни служилых татар. Вот список проблем, который при ближайшем рассмотрении может несколько вырасти: 1) военная служба, в том числе численность; 2) иные формы государственной службы, в первую очередь дипломатическая; 3) имущественное положение (поместное землевладение и иные формы хозяйственной деятельности); 4) внутренняя социальная структура и самоорганизация; 5) уровень и особенности встраивания в общегосударственную структуру, в том числе и проблемы судопроизводства; 6) межэтнические и межрелигиозные взаимодействия татар с иными народами в составе Русского государства; 7) степень религиозной терпимости, в том числе проблема насильственных/ненасильственных крещений; 8) уровень осведомленности татар о своих соплеменниках, проживавших в различных регионах страны и за ее пределами; 9) культурная динамика, в том числе проблема заимствований; 10) быт и повседневная жизнь.

Данная работа не претендует на полный историографический обзор по заявленной проблематике. Это, скорее, попытка подведения некоторых промежуточных итогов, возможность разобраться, что же нам известно на настоящий момент и какие тенденции намечаются.

В настоящее время мы можем утверждать, что служилые татары фиксировались почти на всей территории Русского государства, где имелось поместье землевладение, в ряде случаев поместье землевладение заменялось лесными угодьями (вотчины). Проживали они, как правило, небольшими анклавами и организовывались в самостоятельные воинские подразделения. При этом подобные отряды, как правило, сохраняли определенную степень автономности. Но здесь нельзя не ответить, что автономностью пользовались не только татарские группы служилых людей. Мы наблюдаем это, к примеру, у западноевропейских выходцев. Да и у православной знати долгое время сохранялись собственные военные подразделения.

Зачастую практика расселения служилых татар малыми группами приводила к тому, что эти группы относительно быстро принимали православие и «русифицировались». Но в подобном их расселении трудно усмотреть какой-то целенаправленный государственный план. Их размещали/испомещали в тех местах где, по мнению Москвы, они были наиболее востребованными. К тому же государство долгое время (предположительно до 70-х гг. XVII в.) более чем прагматично под-

ходило к проблеме веротерпимости. Ему было безразлично, какого вероисповедания были его подданные, главное чтобы они исправно выполняли возложенные на них государственные повинности: податные категории населения платили налоги, служилые – несли военную службу (Беляков, 2015а; Беляков, 2015б). Отдельные случаи насильственных крещений имелись, но они либо оправдывались конкретными государственными интересами, чаще всего внешнеполитическими или же проводились отдельными священнослужителями, или же церковными иерархами. При этом официально Москва демонстративно осуждала подобную практику (Беляков, 2011; Беляков, Морохин, 2015; Моисеев, 2016). «Русификация», по-видимому, объясняется незначительностью подобных анклавов и невозможностью противостоять культурному влиянию преобладающего православного населения. Нельзя скидывать со счетов и меркантильные интересы. За крещение полагались значительные материальные дачи. Это также открывало хорошие возможности для карьерного роста. В случае же уголовного преследования освобождало от наказания (Орленко, 2004, с. 147). Но крещения были не единственными причинами «исчезновения» служилых татар в том или ином регионе. В ряде случаев это происходило в результате ведения военных действий (физическое истребление) и последствий эпидемий. Последнее в настоящее время известно на примере новгородских татар XVI в. (Самоквасов, 1909).

Несколько иной мы видим ситуацию в коренных местах проживания татар, как, впрочем, и иных народов. В Сибири (Тычинских, 2010), Мещере (Беляков, Енгальчева, 2014; Акчурин, Ишеев, 2014), на землях ранее составляющих территории Казанского и Астраханского ханств (Моисеев, 2013), при условии полного принятия московских властей, на местах старались по возможности не вмешиваться в дела внутренней жизни, в том числе социальной организации общества, территориально-административное деление и внутреннее управление коренных народов. Следует подчеркнуть, что это распространялось не только на татар, но и на иные народы, в разное время вошедшие в состав многонационального Русского государства (мордва, башкиры и др.). Подобный подход позволял относительно безболезненно встраивать их в общегосударственные структуры. Степень автономности подобных отрядов, по крайней мере, до середины XVI в. была несколько выше.

Расширение границ государства и планомерная правительственная политика привлечения на службу иностранцев обусловили формирование особого социального слоя России – «служилых иноземцев». Всех иноземцев можно было разделить условно на «внутренних» и «внешних». К «внутренним» относились представители народов, вошедших в состав Российского государства вместе с территориями, на которых они проживали. Как правило, они ведались территориальными приказами (приказ Казанского Дворца, Сибирский приказ и т.п.). Жизнь и деятельность «внешних» иноземцев, не имевших собственной территории, ведались в специально созданных или же ведомственных приказах (Иноземный приказ, Посольский приказ). В большей степени это относится к иноземцам западноевропейского происхождения, хотя те же правила распространялись и на выходцев с Востока. Правовые нормы, применяемые как к первым, так и ко вторым, почти всегда были едиными, будь то язычник, мусульманин, католик или протестант (Опарина, 2007, с. 10). Данные наблюдения в основном соответствуют реалиям второй половины XVI–XVII вв. Но они имеют значение и для более раннего периода.

Что касается попыток обнаружить в рассматриваемый нами период особое «татарское» законодательство (Ногманов, 2002), то они при обращении к документам терпят крах (Беляков, 2006; Орленко, 2004, с. 44–101). Русское законодательство оставалось единым для всех категорий своих подданных. Другой вопрос, что в России до XVIII в. имелись особенности в определении подданства. Точнее всех своих граждан государство делило на «подданных» и «полуподданных». Одной из специфических особенностей Московского царства являлось то, что его полноправными подданными могли быть только православные христиане. В данном случае понятия «подданство» и «вероисповедание» подменяли друг друга. Для того чтобы выезжий или внутренний иноземец воспринимался в России полноправным подданным, он должен был в обязательном порядке стать православным. Однако правовые нормы для этих категорий населения были едиными. Имелось только три отличительных момента: 1) невозможность для неправославного человека стать членом государева двора (ограничение в карьерном росте); 2) невозможность держать в услужении православных людей (защита православных людей от возможного «поругания веры»); 3) существование особого земельного фонда земли из которого жаловались исключительно служилым иноземцам (мера против претензий православных служилых людей на поместья служилых иноземцев) (Беляков, 2015б; Орленко, Опарина, 2005).

Что касается численности служилых татар, то все наши подсчеты здесь могут быть более чем приблизительными. В настоящее время мы можем говорить, что суммарное число всех татарских (мусульманских) подразделений не превышало 10000 человек. При этом проводить подсчеты очень сложно. Дело в том, что помимо собственно татар в подобные подразделения попадали представители иных этносов (мордва, чуваш и др.). Наши наблюдения показывают, что как минимум в XVII в. под татарскими тарханами скрываются представители нетатарских народов, решившие стать профессиональными воинами (служилые люди по прибору и отечеству) и поэтому выведенные из тягла. При этом на протяжении всего XVII в. отмечается постепенное их сближение со служилыми татарами, с которыми они несли совместную службу (Беляков, 2013а; Беляков, 2009; Приправочный, 2015, с. 13–14; Писцовые, 2012). В данном случае наблюдения И.Л. Измайлова о том, что термин «татарин» в исторических документах подчас следует рассматривать не как этноним, а как указание на отношение к служилой среде вполне справедливы. Данный тезис прозвучал на одной из конференций, но доклад так и не был опубликован.

Здесь мы должны несколько слов сказать и о внутренней структуре служилых татар, а также об использовании их навыков на поле боя. Изначально все татарские отряды делятся на две составные части по принципу происхождения – мирз и казаков. Мирзы являлись потомками родовой знати; казаки – представители рядовых татар. Каждая корпорация, как правило, несет службу по половинам, реже по третям. При этом набор половин по количеству мирз и казаков, а также по размерам поместных окладов и годовых денежных дач приблизительно одинаков. В источниках по первой половине XVII в. мы видим по одному новокрещену (иногда по одному на уездную корпорацию) (РГАДА, ф. 210, оп. 9, стб. 184, столпик 5, л. 39, 48, 75, 164, 177, 197, 200.). Подобная картина позволяет сделать предположение о том, что эти люди выполняли какие-то особые функции. В чем они заключались, сейчас мы можем только догадываться. Но нужно особо отметить, что подобные новокрещены всегда были из казаков, никогда из мирз. При этом имели относительно высокие поместные оклады (200–350 четей), но не всегда самые большие среди казаков. Возможно, в их функции входило быть глазами и ушами православного командования. В этот же период встречается еще одна должность среди татар не встречаемая ранее – есаул. Ими также назначали только казаков. В настоящее время они известны в Касимове и Кадоме (РГАДА, ф. 210, оп. 9, стб. 184, столпик 5, л. 23, 72, 182). Но это не значит, что их не было в иных уездах. Бросается в глаза значительный разбой в поместных окладах (150 и 300 четей). На первый взгляд они явно не могли быть «старшими» среди казаков или же помощниками (заместителями) главы корпорации. Однако они вполне могли выполнять какие-то функции при русских головах. Но в любом случае эта должность, по-видимому, не воспринималась почетной и желанной для татар и в первую очередь мирз (Беляков, 2015в). Однако привлечение сведений из иных регионов заставляет нас несколько скорректировать данное утверждение. Есаулы фиксируются в Тарской дозорной ясачной книге 1623/24 гг. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 11, л. 231–283об.). Следует подчеркнуть, что в этом источнике описываются не юртовские (служилые) татары, а ясачные татары по своему правовому статусу близкие мордве или же русским крестьянам северных черносошных волостей. Есаулы отмечаются, как правило, по одному, реже по два в тех волостях, где не фиксируются князья. Отмечаются в Тарском уезде есаулы и среди юртовских татар. Это позволяет нам предположить что «должность» есаула имела древнее общетюркское происхождение и ее появление изначально было связано с некими особенностями родоплеменного управления. Время от времени в источниках можно найти упоминание сотников и пятидесятников с татарскими именами. Но на настоящий момент у нас нет возможности на основании этих случайных и обрывистых данных делать какие-либо выводы.

Что касается численности каждого самостоятельного отряда-корпорации служилых татар, то она никогда не превышала нескольких сот человек. Однако, как недавно отметил М.В. Моисеев, этого было вполне достаточно для выполнения самостоятельных стратегических задач в условиях степных войн. Мы очень редко можем наблюдать крупные судьбоносные сражения на рубеже XV–XVI вв., а вот мелкие стычки-набеги, призванные ослабить противника фиксируются с завидным постоянством (Моисеев, 2015). Поэтому в условиях отсутствия четко установленной границы между Московским государством и степным миром, служилые татары вполне успешно справлялись с возложенными на них обязанностями по охране границ, сопровождению дипломатических миссий в степь и постоянному «тревожению» врагов.

Во второй половине XVI–XVII вв. ситуация кардинально меняется. Превращение Волги в русскую реку и строительство на ней ряда городов-крепостей, развитие «русского» казачества и строительство засечных черт сделали неактуальным использование служилых татар на восточном

направлении. При использовании же татар на западном направлении они оказались менее эффективными, хотя источники фиксируют их применение для фланговых обходов, разведки и опустошения приграничных территорий. Уже в 30-е гг. XVII в. наметился процесс перевода служилых татар в полки нового строя. Массовый переход начнется несколько позднее, в середине века. В 30-е гг. XVII в. в рейтары перешли по преимуществу князья и мирзы. Во второй половине века среди рейтар мы видим больше рядовых татар. Можно предположить, что взгляд на престижность службы в полках иноземного строя среди служилых татар за несколько десятилетий претерпел серьезные изменения (Беляков, 2015 г.). Но данные изменения касались далеко не только татар. В результате потребностей русско-польской войны 1654–1667 гг. с конца 1656 г. правительство стало переводить большую часть поместной конницы в полки нового строя (Малов, 2006, с. 22).

Организационная структура служилых татар в Русском государстве XV–XVII вв. нам во многом еще не понятна. Даже известные факты, подчас, более чем трудно интерпретировать. Однако уже сейчас мы можем говорить о том, что татарская конница не была чужеродным элементом в русской армии и вполне успешно в нее встраивалась. Все изменения, протекавшие в ней, в той или иной степени отражались и на служилых татарах. Поэтому изучение института служилых татар невозможно в отрыве от исследования русской армии в целом.

Что касается использования служилых татар в дипломатической службе, то здесь мы также находимся только в самом начале исследования. Нам известны имена переводчиков, толмачей и станичников Посольского приказа XVII в. (Беляков, 2002; Лисейцев, 2003). А вот воссоздание списка служилых татар XV–XVI вв. посылавшихся гонцами и сопровождавших дипломатические миссии на Восток нам еще только предстоит. На настоящий момент мы можем утверждать, что без действенного участия служилых татар русская дипломатия на восточном направлении нормально функционировать просто не могла.

Говоря об имущественном положении служилых татар, мы должны констатировать, что также находимся в самом начале исследования данной проблемы. До нашего времени сохранилось относительно небольшое количество писцовых описаний владений татарских служилых людей (Писцовые, 1877; Самоквасов, 2009; Писцовая, 2012; Приправочный, 2015; Антонов, 2007). В тех уездах, где татары проживали незначительными анклавами или же имелось только несколько человек, их земли описывали вместе с остальными землевладельцами. В местах массового проживания неправославного населения (Мещера, Сибирь и др. территории) описание земельного фонда велось параллельно в нескольких писцовых книгах. Так в Мещере имелись книги, в которых описывались землевладения мордвы (Беляков, 2013б), служилых татар (Приправочный, 2015), русских помещиков (Шацкий, 2014), дворцовые волости (Копия, 1893) и монастырские вотчины. Иные поземельные акты к настоящему времени разбросаны по многочисленным центральным и региональным архивохранилищам и недостаточно введены в научный оборот (Беляков, 2012 а; Абдрахманов, Акчурун, 2011; Акты, 1997, Акты, 2002). В целом на настоящий момент мы можем наблюдать относительно незначительные размеры землевладения служилых татар (без учета татарских царей и царевичей, а также высшей знати) (Беляков, 2011, с. 259–371). Не многие могли похвастаться и большим количеством крестьян работавших на их пашне. К тому же, зачастую, отмечается значительное количество бобылей, что также косвенно свидетельствует о преобладании доходов не с пашни, а из иных источников (Приправочный, 2015; Беляков, 2015в). При этом они, по возможности долго, стремятся сохранить привычные для них формы хозяйствования. В Мещере это были скотоводство, по-видимому, порой в достаточно крупных размерах, бортничество, охота; в Сибири – охота, в первую очередь на пушного зверя.

А вот что касается повседневного быта служилых татар в Московском государстве XV–XVII вв., под которым мы подразумеваем пищевые пристрастия, предпочтения в одежде и формах жилищ, досуг, отправление религиозных треб, особенности исламского судопроизводства в умме (религиозной общине), то здесь мы только нащупываем первые подступы к решению данной проблемы (Беляков, 2015д).

В последнее время наметился интерес к исследованию генеалогии служилых татар. В последние годы было сделано немало (Беляков, 2011; Сабитов, Акчурун; 2014; Габдуллин, 2006; Трепавлов, 2003). Здесь можно выделить три основные тенденции: 1) накопление первоначального материала и введение в научный оборот новых документов; 2) привлечение возможностей генетических исследований для проверки родословных легенд; 3) написание исчерпывающих биографий отдельно взятых родов. Последний пункт остается наименее проработанным. В большей степени здесь повезло самой верхушке служилых мусульман, Чингисидам и ногайским мирзам. Можно отметить

единичные работы, посвященные отдельным представителям родоплеменной знати (Беляков, 2012б). Что касается многочисленных «казацких» родов, то автору не известно ни одного подобного исследования.

На настоящий момент мы должны констатировать, что при значительном интересе к заявленной теме круг исследователей развивающих ее с использованием новых архивных данных более чем ограничен. Мы принципиально игнорируем в данной статье работы, созданные исключительно на основании опубликованных источников и ранее написанных исследований.

Однако вернемся к заявленной теме нашего исследования – встраиванию служилых татар в единую структуру служилых людей Московского государства. Даже более чем беглый обзор литературы по данной проблеме указывает на то, что служилых татар изначально нельзя рассматривать в отрыве от православных служилых людей. С момента появления этой группы населения на русских землях она органично вошла в состав других категорий подданных русских князей (московских царей). При этом мы не можем назвать кардинальных отличий в положении служилых татар от православного населения. Прагматичный и гибкий подход Москвы способствовал относительно безболезненному их встраиванию в структуры Русского государства. В этом следует искать основную причину столь значительного территориального роста Московского государства в XVI–XVII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманов Т., Акчурин М.М. Челобитная вдовы мурзы Тляша Кутыева // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань, 2011. С. 176–195.
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997. Т. I. 432 с.
3. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2002. Т. II. 680 с.
4. Акчурин М.М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 4–17.
5. Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. М., 2007. С. 574–601.
6. Беляков А.В. [Рец. на:] Ногманов А. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. (Казань, 2002. 232 с.) // Вестник Евразии. М., 2006. № 2. С. 219–226.
7. Беляков А.В. «Невидимки» русской армии XVI века // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 159–178 (<http://www.milhist.info/2013/03/12/belyakov>) (12.03.2013).
8. Беляков А.В. Документы Темниковской и Кадомской приказных изб эпохи Смуты // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород, 2012а. С. 233–242.
9. Беляков А.В. Исинея Карамышев сын Мусаитов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012б. № 6. Ч. 3. С. 82–87.
10. Беляков А.В. Конфессиональная политика России конца XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 13–14.
11. Беляков А.В. Крещение мусульман и проблема их интеграции в России XVI–XVII вв. // Национальная политика России в контексте современных вызовов: идеи, практики, перспективы. Сборник трудов по итогам работы научно-исследовательских секций «Конгресса народов России – 2015». Нижний Новгород, 2015. С. 56–74.
12. Беляков А.В. Крещение служилых Чингисидов в России XVI–XVII в. // Российская история. № 1. 2011. С. 107–115.
13. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 1638-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. С. 154–210.
14. Беляков А.В. Структура населения и формы хозяйственной деятельности в Темниковском и Кадомском уездах XVI – начала XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 357–363.
15. Беляков А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV – первой половины XVII в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 134–149 (http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1) (17.11.2015).
16. Беляков А.В. Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. № 7. С. 40–45.
17. Беляков А.В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002. 407 с.

18. Беляков А.В. Форум: «... и бе их столько, еже несть числа» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5/6). С. 126–128.
19. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.
20. Беляков А.В., Енгальчева Г.А. Темниковское княжество по источникам XVI–XVII вв. // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2014. № 6. С. 62–71.
21. Беляков А.В., Морохин А.В. Отношение центральной власти к насильственным крещениям на местах в первой половине XVII в. // *Очерки Феодальной России*. М.; СПб., 2015. Вып. 18. С. 168–188.
22. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. 320 с.
23. Копия с Шацкой писцовой книги Федора Чеботова 131 года о владениях Великой старицы инокини Марфы Ивановны в Верхнеценской волости. Их Московского архива Министерства юстиции // *Известия Тамбовской ученой архивной комиссии*. Тамбов, 1893. Вып. 37. С. 73–147.
24. Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. 485 с.
25. Малов А.В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.
26. Моисеев М.В. Представители политических элит покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в.: Хосров-бек // *Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы*. СПб., 2013. С. 43–47.
27. Моисеев М.В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480–1522 гг.) [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч.1. С. 151–186 (http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1) (23.11.2015).
28. Моисеев М.В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // *Quaestio Rossika*. 2016. № 1. С. 37–54.
29. Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. Казань, 2002. 232 с.
30. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007. 384 с.
31. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М., 2004. 344 с.
32. Орленко С.П., Опарина Т.А. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещеных иноземцев» // *Отечественная история*. 2005. № 1. С. 22–39.
33. Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов / Сост. В.Д. Кочетков, М.М. Акчурин. М.; Нижний Новгород, 2012. 204 с.
34. Писцовые книги московского государства. СПб., 1877. Т. 2.
35. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост. М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. 220 с.
36. Самоквасов Д.Я. Архивные материалы. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1909. Т. 2: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. 590 с.
37. Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // *Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир*. М., 2003. С. 320–353.
38. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010. 228 с.
39. Шацкий уезд. Государевы служилые люди / сост. И.П. Алябьев. Ульяновск, 2014. 472 с.

Список сокращений:

РАН – Российская академия наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

A.V. Belyakov

MESHCHERAN COSSACKS (TATARS) IN XV–XVII CENTURIES: INTEGRATION INTO THE SERVICE CLASS OF THE MOSCOW STATE

The Russian army in XV–XVII centuries could by no means be characterized as homogeneous. It could better be described as the one of a mosaic structure. It consisted of numerous elements, including units, formed on national and denominational bases, from the peoples merged into the Moscow state at different times. Following, it refers to Tatar military units.

Keywords: service-class Tatars, Moscow state in XV–XVII centuries, Russian army.

Сведения об авторе:

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (г. Москва).

Belyakov Andrey Vasilyevich – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).